

ГЛАВА 1

Оберштурмбаннфюрер Франц Ветцлер сверлил гневным взглядом сидевшего перед ним ученого. Кулаки, которыми следовательно уперся в стол, побелели. Физики, ученые! Черт бы их побрал, этих нытиков и слюняев! Все немцы в едином порыве следуют призывам фюрера, не щадят себя, куда бы ни поставила их Родина в эти трудные годы. Кто-то на фронте, кто-то здесь, в Германии. Но находятся же вот такие, которые пускают слюни и твердят, я, мол, не могу, мне не позволяет моя внутренняя позиция.

— Вы осознаете, Гейзенберг, такие понятия, как долг немца, ответственность перед рейхом? — продолжал Ветцлер, с трудом сдерживая рвущийся крик.

Вот уже несколько месяцев в гестапо пытаются убедить известного физика Вернера Гейзенберга начать работать в проекте по изу-

чению ядерной энергии. И все это время следователи слышат одно и то же: «Мы не должны, ответственность перед всем человечеством, страшные последствия...» Какое дело немецкой нации до всего человечества! Этот сброд с разным цветом кожи, расселенный по всем континентам, не стоит наших размышлений и заботы. Их право — умереть и освободить место под солнцем для чистокровных арийцев, для высшей расы.

Ветцлер прошелся по кабинету, нащупывая в кармане сигареты. Курить хотелось неимоверно, но в Германии проповедовался здоровый образ жизни, и курение в кабинетах и общественных местах не приветствовалось. Тем более среди членов партии.

Следователь выдержал положенную паузу, поглядывая на ученого. С каждым вызовом обрабатывали Гейзенберга все жестче и жестче. Указание самого Кальтенбруннера: убедить ученого сотрудничать в рамках ядерного проекта. И не гнушаться никакими методами. Интересы рейха превыше всего! Сегодня будет разыгран очередной, скорее всего, последний спектакль. И именно в духе самого обергруппенфюрера — убежденного антисемита, человека, относящегося с презрением, граничащим с ненавистью, ко всем людям с сексуальными

отклонениями. Кальтенбруннер был предан идеям фюрера, как никто другой. Больше того, он был предан лично Гитлеру. И поэтому пользовался особым доверием в высшем эшелоне власти Германии.

Начальник РСХА несколько дней назад вызвал Мюллера и предложил ему форсировать работу с учеными по привлечению лучших умов Германии к ядерным разработкам. В кабинете находился и Кальтенбруннер. Ни для кого в Главном управлении имперской безопасности не было секретом, что именно Кальтенбруннеру Генрих Гиммлер вскоре оставит свое кресло.

Вернер Гейзенберг был нужен нацистам, и поэтому с ним так долго нянчились. Кальтенбруннер посоветовал начальнику гестапо «снять белые перчатки» и подготовить правдоподобные доказательства того, что Гейзенберг был гомосексуалистом. Чистота нации требовала самого сурового отношения к людям с такого рода отклонениями¹. Ученый должен был перетрусить и согласиться.

¹ Именно Эрнст Кальтенбруннер, находясь в должности руководителя РСХА, летом 1943 года направил в Министерство юстиции предложение о введении обязательной кастрации для гомосексуалистов, однако поддержки не получил.

Ветцлер стоял у окна. Пустынная Принц-Альбрехт-штрассе под окном, по которой лишь изредка проезжали легковые машины, вызвала раздражение. Почему люди сторонятся здания Главного управления имперской безопасности, стараются не ходить и не ездить по этой улице? Для кого работает весь аппарат РСХА? Для всех немцев! И вот для этого худого человека со щеточкой усов под носом, который упорно отказывается работать на науку современной Германии. Ну что же. Он вынуждает обойтись с ним жестко.

Ветцлер вернулся к столу и уселся на стул напротив ученого, положив ногу на ногу. Оберштурмбаннфюрер заговорил голосом смертельно усталого человека, у которого все силы ушли на праведные дела по перевоспитанию немцев, и теперь он просто вынужден так поступить. Теперь он с полным правом «умывал руки».

— Вот что, господин профессор. Я должен признаться, что после каждого вашего визита в гестапо следователи с брезгливостью протирают спиртом перьевые ручки, которыми вы подписывали ваши показания и листы допросов. А также стулья, на которых вы сидели. Поймите, обычным немцам это до такой сте-

пени неприятно, что их брезгливость вполне можно оправдать.

— Не понимаю вас, — напряженным голосом заговорил Гейзенберг и заерзал на стуле. — Я что, болен?

— Больны, — с готовностью кивнул следователь. — Можем считать это болезнью, можем распушенностью. Но в любом случае общество таких отклонений личности не приветствует и отторгает из своей здоровой среды. Это общественное мнение, пока. Здоровая нация не приемлет такой грязи. Я говорю о гомосексуализме, профессор. Об этой грязной, отвратительной утехе.

— Что? — Ученый уставился на Ветцлера, не понимая, относиться к его словам как к глупой шутке или пугаться по-настоящему.

Оберштурмбаннфюрер смотрел на собеседника, слегка барабанил пальцами по столу и чуть покачивая носком начищенного сапога. Он старался изобразить на лице горькое сожаление. Нельзя сразу давить на человека презрением; пусть постепенно осознает весь ужас своего положения, тогда он сам кинется навстречу с мольбами о помощи, сам начнет искать выход из ситуации.

А Гейзенберг не мог справиться с собой. Он шарил руками по одежде, не понимая, что

он ищет. Потом профессор нашел в кармане платок и стал старательно вытирать руки, как будто испачкался в чем-то. И тут же, похолодев, понял, что подтверждает подозрения этого человека. Он не заразен, ему нечего стыдиться! Это все нелепо и сейчас же разъяснится. Он ждал, что следователь вдруг заявит, что все это лишь навет злоумышленников и завистников. Выходки его научных оппонентов, которые не брезгуют и такими методами. Он даже надеялся и готов был простить, если следователь вдруг рассмеется и заявит, что это была лишь шутка. Но Ветцлер молчал.

— Это невозможно, — вкрадчивым и немного заискивающим голосом заявил ученый. — Этого не может быть, никогда и ни у кого в нашем роду не было таких наклонностей. И я никогда не испытывал ни тяги, ни интереса... Только к женщинам, я женат, я законопослушный гражданин и счастливый отец семейства.

— Хватит! — оборвал Гейзенберга следователь. — Ваше мнение меня не интересует, господин физик. Я не верю словам, слова — это только пустой звук. Моя работа — верить фактам и неопровержимым доказательствам. И они у меня есть!

Гейзенберг смотрел на следователя, с ужасом стиснув пальцы рук. Ветцлер поднялся со

стула, обошел стол и взял в руки папку. Он стал резко, с ожесточением листать подшитые страницы и перечислять имена и фамилии свидетелей, подтверждавших факты совокупления профессора с мужчинами.

— Лотар Келлер, стюард международного экспресса «Берлин — Берн», показал, что застал вас в августе 39-го года в купе поезда с неким господином, коммивояжером из Бремена. Якоб Бухольц, владелец маленького отеля, заявил, что вы в ноябре того же года тайком провели в свой номер молодого человека. Адам Кернер, электрик берлинской электрической компании, сознался, что был вашим любовником на протяжении полутора лет, с весны 41-го до осени 42-го года. Госпожа Ханна Эггер собственноручно выставила вас из дома, где вы снимали квартиру, когда вы забыли запереть дверь...

— Нет, нет, нет! — закричал ученый, закрывая лицо руками, как будто хотел спрятаться от этого нелепого, страшного сна. — Это все навет, злой умысел. Кому-то надо меня очернить. Они лгут, лгут!

— Лгут? — громко и холодно прозвучал под потолком голос следователя. Прозвучал, как колокол набата. — Тогда посмотрите фотографии, которые нам предоставили свидетели...

Гейзенберг поднял голову: перед ним на стол шлепнулись и чуть разлетелись несколько снимков. О ужас! Он смотрел и не верил своим глазам. Он не узнавал этого мужчины, не узнавал помещения, в котором все происходило. А происходили там кошмарные вещи. Двое обнаженных мужчин в постели, обнимающие друг друга. И не только... Боже! И в одном из них Гейзенберг узнал себя. Нет, это не он... но очень похоже. А вот здесь его лицо, он точно узнавал свое лицо, но как... Мистика! Ведь никогда, ни в юности, ни в зрелом возрасте, у него не было ни потребности, ни интереса и никакого желания заниматься этим с мужчинами!

И ученый, выронив на пол фотографии, заплакал. Он зарыдал как ребенок, переполняемый отчаянием, безнадежностью последствий. Чья-то злая шутка, чьи-то дикие козни... Но чьи? Это уже ничего не значило. Гейзенберг хорошо знал, что за такое поведение ему грозит концлагерь. Все, прощай доброе имя, прощай карьера ученого и университетского преподавателя, прощай наука. Забвение, позор, уничтожение! Смерть, это просто смерть. Еще не физическая, но — моральная, нравственная. А за ней и физическая вскоре. Ведь без науки, без всего того, чем Гейзенберг жил многие годы, он жить уже не сможет.

Чужая рука легла ему на плечо и по-дружески чуть сжала его. Ученый поднял измученный взгляд. Следователь грустно улыбался ему и понимающе кивал головой. И от этого взгляда, от прикосновения, в котором уже не было безразличности, эта рука на плече показалась ему рукой Господа. Сейчас оберштурмбаннфюрер Ветцлер показался ему самым близким, почти всемогущим человеком. И Гейзенберг готов был заплатить за эту дружбу и поддержку чем угодно.

Мюллер не поднял головы, продолжая перебирать бумаги на своем столе. Он только коротко кивнул в сторону стула:

— Заходите, Ветцлер. Садитесь. Я жду вашего доклада по делу Вернера Гейзенберга.

Оберштурмбаннфюрер шелкнул каблуками, прошел через кабинет твердым шагом и вежливо опустился на стул возле стола своего шефа, положив на колени папку с документами, которые могли понадобиться начальнику гестапо.

— Гейзенберг согласился сотрудничать, — заговорил Ветцлер. — Уже завтра он готов выехать на объект и погрузиться в работу. Он раскаялся и полон желания искупить свою вину в потере драгоценного времени. Он сказал даже, что у него есть ряд идей, которые могут

помочь коллегам, давно работающим над этой проблемой. В частности, его идеи касаются использования так называемой тяжелой воды, или дейтерия.

— Вот как? — Мюллер наконец поднял глаза на своего сотрудника и пожевал тонкими губами. — Вы начали разбираться в ядерной физике?

— Я просто передал вам дословно его слова, группенфюрер, — вежливо улыбнулся Ветцлер.

— На чем вы его сломали? — нетерпеливо спросил Мюллер.

— Идею предложил Кальтенбруннер — обвинение в гомосексуализме. Я только подготовил техническую сторону. Поддельные показания, фотомонтаж. И объяснил нашему другу, что ему грозит перевоспитание в концлагере и публичный позор.

Ветцлер открыл папку и стал выкладывать перед шефом бланки допросов свидетелей и фотографии. Мюллер покивал головой и скривил тонкие губы.

— Юрист с докторской степенью и набожный католик не гнушается такими методами?

— Мне кажется, что мы зря теряли столько времени, — пожал плечами Ветцлер. — Лагерь

позволяет быстрее добиваться желаемых результатов.

— Мы не стали бы сажать его в лагерь, — раздраженно заметил Мюллер. — Мать Гейзенберга дружна с матерью Гиммлера. И потом, вы же знаете, какими люди выходят из лагеря. Сломленными, опустошенными. Это не курорт. Лагерь ломает, тем более таких интеллигентных слюнтяев. Посадив Гейзенберга в лагерь, мы бы навсегда потеряли его как ученого. А его голова сейчас очень нужна рейху. Заберите материалы, составьте мне справку для доклада начальнику управления. За Гейзенбергом необходимо установить круглосуточное наблюдение до самого момента его прибытия на объект. Не верю я этим физикам. Он вполне может, испугавшись, попытаться сбежать или покончить с собой. Нервы у них слабые. О прибытии ученого сообщите нашему агенту на объекте. Пусть изучит мнение других ученых, подготовится к встрече.

Доктор Гейзенберг наконец вернулся домой. Здесь, в своем коттедже в тихом районе Темпелхофер, он любил работать вдали от городского шума. У ученого была неплохая библиотека, которую он собирал много лет. А еще в коттедже был удобный кабинет, двери

которого выходили прямо в сад. Здесь всегда хорошо думалось.

Ученый сел за стол и закрыл лицо руками. В памяти снова пронеслись ужасные события, страшные обвинения. Стыд сжигал изнутри. Бороться с такими эмоциями можно было только с помощью работы. А работа предстояла большая. Пусть так, пусть на нацистов, но это работа, это наука. В конце концов, он был только ученый.

Надо собираться. Гейзенберг вскочил, заметался по комнате, отбирая тетради с записями, книги. Одежда? Черт с ней, с одеждой, не это главное. Одежда потом...

Тихий стук в окно заставил ученого замереть на месте. Показалось? Гейзенберг потушил свет и подошел к окну. Что там? Кто-то в саду? Снова в голову начали закрадываться мысли о гестапо.

Но тут между деревьями мелькнула фигура мужчины в пальто и шляпе. Незнакомец снял шляпу и церемонно поклонился.

— Господи, Клаус! — вполголоса проговорил профессор. — Вы испугали меня. Что это значит? Почему вы через сад?

— Тише, профессор, — прошептал молодой человек. — Хорошо, что вы потушили свет. Вы позволите мне войти?

— Конечно, конечно! — засуетился Гейзенберг, открывая пошире застекленную дверь и пропуская ночного гостя. — Как я не могу впустить в дом своего самого талантливого ученика? Но объясните же, что происходит? За вами гонятся? Вас кто-то преследует?

Гость вошел в кабинет, подождал, пока профессор закроет дверь, задвинет плотные шторы на окнах, пока зажжет свет, потом снял пальто и бросил его вместе со шляпой на стул. Невысокий, широкоплечий, русоволосый, он подошел бы для любого фото в журнал или для плаката: «Немцы выбирают спорт и здоровый образ жизни. Нация думает о своем будущем!»

Профессор под пристальным взглядом гостя опустил глаза и начал суетиться возле спиртовки со стоящим над ней кофейником. Он стал пространно говорить о погоде, о том, что не смог в субботу купить сливочного масла, а в его возрасте организму нужен кальций, чтобы не начал развиваться сколиоз.

— Профессор, — тихо заговорил гость. — Что с вами произошло? Я же вижу, что вы изменились, вы не тот прежний Вернер Гейзенберг — боец от науки, яркий теоретик, генератор идей. Я слушал ваши речи на науч-

ных симпозиумах и восхищался вами. Я был счастлив осознавать, что я ваш ученик, но вот теперь я смотрю на вас и не узнаю.

Гейзенберг вздрогнул, но не повернулся. Он старательно вытер стол, зажег спиртовку, поправил кофейник, расставил на столе чашечки и только потом, собравшись с мыслями, обернулся к гостю. Злость на себя, злость на гестапо, на нацистов, которые пришли к власти, которых боготворит немецкий народ и ненавидят все остальные. Теперь, когда эта злость, смешанная со стыдом, наполнили его, Гейзенберг снова стал в какой-то степени прежним. И он заговорил, отмахиваясь на каждой веско брошенной фразе правой рукой, как делал это во время докладов перед учеными или студентами:

— Наука, дорогой мой мальчик! Наука развивается вне зависимости от погодных условий, вне войны или эпидемии, вне природных катаклизмов. Она развивается, скорее, вопреки, потому что каждое социальное потрясение — это толчок, это катализатор. Уходят государственные деятели, эпохи, а помнят научные достижения. Они остаются людям, они им служат, они развивают общество и двигают его вперед, создавая материальное, а значит, и духовное изобилие.

— Но сначала научные достижения попадают в руки тиранов, — покачал головой гость. — Они усиливают их власть, помогают держать в узде миллионы. И тирания рухнет не благодаря науке, а благодаря людям, которые сопротивляются, борются с тиранией. Да, достижения останутся и после падения тирании, но какой ценой все это достанется? Сколько жизней заберет научное открытие во время войны, научное открытие для войны?

— Войны проходят, они прекращаются...

— Энергия атома, пусть и управляемая, — слишком мощное оружие в руках человечества. А если она вырвется из-под контроля, учитель?

— Дейтерий, Клаус, вы забыли о тяжелой воде, — начал горячиться ученый. — Она замедляет процесс. Для реактора...

— Для реактора? А для снаряда, который направят на врага?

Руки Гейзенберга, которые тот поднял, чтобы подчеркнуть очередной веский аргумент, замерли в воздухе, потом безвольно упали вниз. Гость подошел и взял своего учителя за плечи:

— Профессор, вы многому научили меня! Вы научили меня не идти на компромисс ради великой цели, ради чистой науки. Вы научили

меня отстаивать свое мнение. И я спрашиваю, что с вами сделали, почему вы так изменились?

— Не надо, Клаус. — Профессор замотал головой, потом отвернулся и уставился на картину с пейзажем альпийской деревни.

— Хорошо, учитель. — Молодой человек кивнул и, подойдя к стулу, взял пальто и шляпу. — Вы вправе сами решать. И я тоже.

— Ты пришел тайком, Клаус? — вздохнул ученый. — За тобой следят, тебя ищут?

— Не беспокойтесь, учитель, — твердо ответил гость. — Вам лучше не знать. Если вас спросят, признайтесь честно, что я навещал вас. Но вы не знаете о моих планах ничего. Надеюсь, мы еще увидимся, и все будет позади, и наш разговор тоже...

Рыбацкий баркас качало с борта на борт. Скрип снастей и деревянных частей судна часто заглушался шумом волн и свистом ветра.

Лейф Ларсен стоял в маленькой рубке, то и дело прикладывая к глазам бинокль. Погода портилась быстрее, чем предсказывали синоптики. Но Шетландский Ларсен, как прозвали шкипера в норвежском Сопротивлении, как раз такой погоды и ждал. Немецкий линкор «Тирпиц» вот уже несколько лет безуспешно атакуют силы союзников. Были попытки тор-

педировать его, судно атаковала авиация, но больших повреждений этому монстру нанести так и не удалось. «Тирпиц» был серьезной угрозой на море для флота союзников, и прежде всего Великобритании, а также для морских конвоев в Советский Союз.

Несколько месяцев назад, когда бесполезными оказались и торпедные атаки, и «прыгающие» бомбы, поступил приказ срочно собрать управляемую торпеду. Итальянские морские диверсанты уже использовали такие, так что вопрос был чисто техническим, инженерным. И вот теперь под днищем рыболовецкого баркаса «Артур», направлявшегося к Тронхеймс-фьорду, находились две такие торпеды, или, как их называли, «колесницы».

Двухместный подводный аппарат был сделан из обычной двухтонной торпеды. Электромотор, батарея, которая была в состоянии питать двигатель в течение 6 часов. В условиях холодного Северного моря это позволяло преодолеть в среднем 24 километра. Командование рекомендовало не расплытаться, а применять «колесницы» парами.

Многие считали, что для великана с мощной современной защитой две такие торпеды — это укусы комара, укол булавки. Но Ларсен полагал, что успех возможен. Он, моряк, хорошо

знал, что торпеды, если они угодят под турбины «Тирпица» или в рулевую группу, надолго сделают линкор безопасным, он не скоро сможет выйти в море. Такие повреждения реально исправить лишь в сухом доке. Так что две торпеды с боеголовками по 300 кг торпекса¹ в каждой вполне могут сыграть решающую роль.

Баркас бросало из стороны в сторону, но приливное течение помогало удерживать курс. Сейчас судно шло в зоне, которую контролировал немецкий флот. Здесь появлялись патрульные катера, которые могли устроить проверку. Ларсен еще два часа назад приказал укрепить торпеды под днищем.

Снова волна ударила в борт, вода полилась по стеклу рубки. Рыжебородый рулевой в клеенчатой рыбацкой куртке, не выпуская трубки изо рта, только проворчал что-то в ответ. Ударило в борт рубки, скрипнуло дерево досок, и внутрь ввалился высокий и худой Нут Андресен. Сбрасывая с головы капюшон, брызгая водой, он сквозь кашель сказал:

— Надо спускать торпеды или уходить назад. Мы не сможем подойти на шесть

¹ Торпекс (англ. Torpex), «torpedo explosive» — «торпедная взрывчатка» — бризантное взрывчатое вещество, состоящее из тринитротолуола, гексогена и алюминиевой пудры, вдвое более мощное, чем обычный тротил.

миль к берегу. Нас в такую погоду разобьет о скалы.

Сзади в днище что-то ударило. Ларсен и рулевой переглянулись. Такой удар мог означать, что судно задело скалу. Значит, пробоина, значит, сейчас внутрь хлынет вода.

— За мной! — крикнул шкипер и бросился из рубки.

Следом затопал верзила Андресен. Снаружи ветер рвал снасти, срывал с головы капюшоны брезентовых курток. Баркас то взбирался на крутую волну, то падал носом в пену. Один из матросов тянул канат, уходящий за борт в бушующую воду. Андресен со шкипером бросились ему помогать. Канат шел легко, было понятно, что торпеду сорвало. Наконец вытащили обрывок каната, и Ларсен устоял на нем, держась рукой за леер и широко расставив ноги. Конец был перетерт. Проклятие!

Двое моряков подошли к шкиперу, протягивая другой конец каната. Сорвало обе торпеды. От такой качки канаты просто перетерлись.

Откуда-то из темноты через шум волн слышался звук колокола. Бом... бом... бом... Сигнал морякам, которые пытаются вернуться в такой шторм домой, тем, кто потерял дорогу в тумане. Сигнал, что берег близко, что близко опасные скалы.

— Нам не отвернуть! — кричал Андресен, придерживая рукой край капюшона. — Прилив и ветер с моря. наших моторов не хватит, чтобы справиться. Мы попадем прямо в лапы нацистов!

— Сбавим ход, пойдем правой стороной фьорда! — прокричал Ларсен. — Ветер должен сдуть туман. В двух милях южнее Омандальса намытый щебнистый берег. Мы там сможем высадиться.

— Какого дьявола ты увидишь в этой тьме, шкипер! — крикнул один из моряков. — Ничего не увидишь, пока лбом в скалу не ударишься.

— Я знаю эти места, — возразил Ларсен. — Я сам встану к штурвалу.

Поставив двух моряков на носу баркаса и приказав им привязаться линиями к ограждению, шкипер повел судно ближе к правому берегу фьорда. Шум прибоя стал слышнее, он даже заглушал звуки колокола. Несколько раз слышались немецкие сирены. В таком тумане были не видны створовые фонари, позволявшие держаться в фарватере. Да и кто рискнет в такую погоду соваться во фьорды.

Моряков на носу баркаса окатывало водой снова и снова. Они смахивали воду с лица, протирали глаза и снова смотрели и слушали.

Если судно сейчас ударится о скалы, эти двое смельчаков погибнут. Они не успеют отвязаться. Но если не привязываться совсем, их неминуемо смоем первая же волна. И моряки стояли и смотрели вперед, готовясь подать знак шкиперу, если вдруг по курсу появится скалистый берег.

Минут через десять волнение стало меньше, но сгустился туман. Ларсен сбавил обороты. Судя по времени, они были у цели. Единственное место до самого Тронхейма, где можно высадиться на берег. Прислушавшись, шкипер вдруг понял, что теперь немецкая сирена раздавалась сзади. Значит, они прошли Каменный Зуб, самый опасный поворот фьорда. Поворот штурвала, еще поворот, и баркас пошел вдоль скал. Темная стена виднелась даже в тумане, возвышаясь мертвой глыбой.

Вода стала спокойнее. Ларсен разглядел у борта пену. Значит, волны накатываются на пологий берег. Пора! Снова поворот штурвала, теперь баркас пошел под острым углом к скалам. Если Ларсен ошибается, то через минуту судно разобьется.

— Всем наверх! — приказал шкипер. — Мотористы, наверх!

Поворот штурвала влево, еще! Но судно не слушается. Его тащит прибрежной волной,

швыряет как щепку. К берегу — и тут же назад. Моторы рычат, взбивая воду винтами. Только не дать баркасу развернуться бортом к волне. Тогда судно станет неуправляемым, его положит набок и разобьет. И снова обороты на пределе. Теперь уже беречь мотор нет смысла. Жить «Артуру» оставалось несколько минут. А может быть, и меньше. Жаль, что не удалась операция. И еще больше огорчало то, что немцы найдут разбитый баркас и поймут, что не зря он шел в этом фьорде в такую погоду. Поймут, что за «Тирпицем» охотятся уже с применением специальных средств.

— Камни! — крикнул шкипер, перекладывая руль вправо.

Но бортовая качка делает судно почти неуправляемым. Волна, чуть приподняв баркас, бросила его правым бортом на острые зубья, то обнажавшиеся из-под воды, то снова скрывавшиеся в белой пене. «Как оскаленная пасть бешеной собаки», — успел подумать Ларсен. И тут его бросило вправо с такой силой, что он невольно выпустил колесо штурвала и больно ударился плечом и головой о стену рубки.

Кто-то закричал, но треск древесины и скрежет металла заглушили этот крик. Шкипер успел подумать, что это конец. Но баркас волной развернуло носом к берегу. Новый удар

волны в корму еще плотнее посадил его на камни. В пробоину по правому борту хлынула вода, судно стало заваливаться на бок. Кто-то схватил Ларсена за капюшон куртки и поволок прочь из рубки.

Шкипер увидел, как на носу моряки пытались выловить из воды упавших товарищей, сбрасывая туда спасательные круги, привязанные веревками. Кто-то уже прыгал в воду с правого борта, плыл к берегу, то скрываясь под водой, то снова выныривая. Все же здесь волнение было не таким сильным. Да и отмель, далеко простиравшаяся от берега, гасила силу волн. Когда последнего моряка отправили вплавь к берегу и на борту никого не оказалось, Ларсен еще раз осмотрел судно, с трудом удерживаясь на наклонившейся палубе, потом решительно прыгнул в воду.

— Обошлось, все живы, — сообщил один из моряков, когда одежда была отжата и все снова оделись, дрожа от холода. — У Нильса сломана рука да у Якобса разбита голова, но они могут идти.

— Слушайте меня, друзья, — повысил голос Ларсен. — Нам нужно пройти тридцать километров. И только потом мы сможем развести костер и просушить одежду. До шведской границы сто сорок километров. Если мы будем

держаться вместе, помогать друг другу, то выберемся все. Ничего, что у нас не получилось сегодня. Получится в следующий раз. Пока мы живы, мы будем сражаться с нацистами.

— Шкип, я остаюсь! — вдруг подал голос Андресен.

— Нут, дружище, что ты говоришь? — удивился шкипер.

— Я говорю, что не пойду с вами в Швецию. Здесь моя земля, мой дом. Я остаюсь и буду сражаться здесь. Я не буду смотреть из-за границы, как нацисты топчут мою землю и плавают в моих фьордах. Я ничего не смогу оттуда, зато я многое смогу здесь...

Платов только кивнул, когда увидел вошедших к нему в кабинет. Пружинисто поднявшись из-за своего рабочего стола, он жестом приказал группе следовать за ним и первым вышел в коридор.

В такое позднее время в здании на Лубянке все еще работали люди. Слышались голоса, кто-то разговаривал по телефону, кому-то устраивали разнос...

Шелестов шел впереди, стараясь не отставать от Платова и надеясь, что тот начнет ему уже сейчас излагать суть предстоящей операции. Группа была одета в добротную офицер-

скую форму без знаков различия. Платов посадил всю четверку в приемной Берии и ушел в кабинет к всемогущему наркому.

— Что-то молчаливый сегодня Платов, — прокомментировал Сосновский, откинувшись на мягком стуле и покачивая носком сапога. — Обычно он каждую минуту с пользой для дела...

— Не готов, вот и не хочет лишнего говорить, — пожал плечами Буторин и задумчиво провел рукой по седому ежику коротких волос. — Видать, долгая подготовка впереди, а значит, еще успеют проинструктировать.

— Или инструктировать рано, — хмыкнул Коган. — Сами ничего не знают.

Шелестов, расхаживавший до этого в приемной, остановился и посмотрел на членов своей группы. Возразить было нечего, потому что он и сам был удивлен немногословностью их куратора — Павла Анатольевича Платова, комиссара госбезопасности 3-го ранга.

За эти двадцать минут, что он провел в здании на Лубянке, Максим не раз пытался посмотреть Платову в глаза, пытался понять, что ждет их группу, какого рода предстоит задание. Но Павел Анатольевич бросал одну телефонную трубку и тут же брался за трубку другого

телефона. Они сегодня как с цепи сорвались в его кабинете. Глубоко посаженные внимательные глаза комиссара госбезопасности были сегодня сумрачными. Задавать вопросы раньше времени было не принято, и Шелестов молча ждал, когда его введут в курс дела. А теперь стало понятно, что первое слово произнесет Берия. Значит, вот на каком уровне задание, значит, нарком сам хочет посмотреть на своих бойцов, на свою «гвардию». Хороша гвардия: ни погон, ни наград. Хотя не то время, чтобы кичиться званиями и заслугами. Война идет страшная, кровавая. На кон поставлено все! Абсолютно все. И это надо понимать. Быть или не быть не только стране, но и всему народу. Вот ведь как раскрутилось колесо истории, маховик смерти!

Дверь открылась, на пороге появился Платов. В свете люстры тускло блеснули его генеральские погоны и прищуренные внимательные глаза.

— Идите за мной, — приказал он.

Берия сидел за рабочим столом и, положив подбородок на сжатые кулаки, смотрел на четырех людей, которых привел в его кабинет Платов. Странно смотрел всемогущий нарком. Не то устало, не то спокойно, потому что решение уже принято и решать больше нечего.

Оставалось только поставить задачу, отдать последний приказ.

Шелестов чуть поежился. Всегда неприятно, когда решают за тебя, а рисковать своей шкурой предстоит тебе. И неизвестно, вернешься ли ты живым. В этом кабинете простых заданий не дают.

— Ну что, головорезы? — произнес негромко Лаврентий Павлович. И как всегда было не понять: укор это, насмешка или одобрение. — До сих пор вы задания выполняли. Не скажу, что идеально, не скажу, что работали чисто, но поставленной цели добивались. В целом я вами доволен. Раз доверяю вам новое задание, да еще такое, можете не сомневаться, что доверяю. Я думал поручить это дело другим, но вот товарищ Платов рекомендовал именно вашу группу. Видимо, он в вас тоже уверен и готов разделить с вами бремя ответственности.

Шелестов бросил короткий взгляд на комиссара госбезопасности, но у того ни один мускул на лице не дрогнул. Наверное, можно привыкнуть и к таким словам в свой адрес. А может быть, просто для этого человека важнее всего его работа, важнее всего дело, а не слова и такие вот театральные эффекты. Хотя кому что. Берия перед товарищем Сталиным в ответе за многие дела. За наши вот, напри-

мер. Ему актерские таланты нужны не меньше, чем нам для нашей работы.

Берия неожиданно поднялся и быстрым шагом прошелся по кабинету, потирая руки, будто ему было холодно. Он, не оборачиваясь, ткнул рукой в сторону стульев, стоящих в ряд у стены.

— Садитесь, разговор будет долгий.

Группа расселась. Платов занял место у приставного стола наркома и раскрыл какую-то папку. Нарком прошелся еще раз из конца в конец по кабинету, а потом вернулся к столу. Он уселся по другую сторону своего приставного столика и, широко расставив ноги, стал смотреть на своих оперативников. Ситуация была интересной. Шелестов, например, никогда не видел Берию в таком возбуждении. Видимо, произошло что-то действительно из ряда вон выходящее. И то, что нарком сел не в свое кресло, и то, что между ним и группой не было стола, говорило о намерениях вести доверительную беседу, а не просто отдать приказ.

— Шутки в сторону, — сказал Берия. — Вам предстоит операция, которая может повлиять на все дальнейшее устройство мира. Гитлеровскую Германию мы победим, скоро или нет, какой ценой, но победим. В этом

мало кто сомневается. Но есть одна угроза, которую надо ликвидировать действительно любой ценой. Нельзя дать Гитлеру выпустить джинна из бутылки.

— Нельзя дать ему выпустить джинна первым, — изрек странную фразу Платов, не поднимая головы и продолжая просматривать бумаги.

— Да. — Берия посмотрел на Платова. — Когда один с мечом, а другой с палкой, то диктовать будет тот, у кого меч. Он может даже, в случае непослушания, и зарубить без особого труда своего противника. У него даже руки чесаться будут этим мечом помахать, чтобы силу свою почувствовать самому и показать другим, для своего удовольствия, для самоутверждения. А вот когда меч есть у обоих, тогда стороны будут разговаривать на равных. Сейчас мы, образно говоря, все вооружены палками. И Германия, и Советский Союз, и Англия, и Америка. Но есть угроза, что Гитлер вот-вот добудет себе меч. По нашим сведениям, немцы начали исследования в области создания оружия огромной разрушительной силы.

— Использование энергии атомного ядра? — первым спросил Сосновский. — Я еще до войны в кулуарах немецкой научной богемы

слышал эти разговоры. Но до сих пор думал, что это чисто теоретическая физика.

— От кого вы это слышали? — спросил Платов.

— Ну, разговор был похож на групповое рассуждение за ликером, — задумался Сосновский. — Но, пожалуй, центром этой беседы был Отто Ган.

— Так и есть! — горячо подтвердил Берия. — Немецкие физики Отто Ган и Фриц Штрассман еще в декабре 38-го года первыми в мире осуществили расщепление ядра атома урана. Они продвинулись вперед и в теории, и практически. Уже в сентябре 39-го германское Управление вооружений создало программу «Урановый проект», куда пригласили видных ученых — физиков-ядерщиков. Среди них есть и нобелевские лауреаты: Вернер фон Гейзенберг, Вальтер Боте, Ганс Гейгер, известные ученики Гейзенберга — Карл фон Вайцзеккер и Клаус Венге. Эти умные головы прекрасно понимают, какая энергия выделяется при расщеплении ядра атома урана. Это уже не палка и не дубина. Это даже не меч, это сильнее и страшнее. Петр Анатольевич, изложи своим диверсантам суть задания.

Берия поднялся и снова прошелся по кабинету. Он остановился у окна, хотел было

поднять светомаскировку, но потом передумал и вернулся к столу.

Платов, глядя на своего шефа, заговорил с интонациями школьного учителя:

— Группой ученых, занимающихся реализацией «Уранового проекта», руководит Вернер Гейзенберг, известный ученый с мировым именем, нобелевский лауреат. У Гейзенберга много учеников. В этом смысле он плодотворный педагог и ученый. Надо отметить, что с фашистами он сотрудничать начал не сразу. Поначалу Гейзенберг отвергал предложения возглавить проект, но гестапо умеет убеждать. Ученый дал согласие, выехал в научный центр и теперь близко к нему не подойти. Уровень секретности — максимальный. Проект связан с Норвегией. Дело в том, что первым шагом в проекте должно было быть создание ядерного реактора. Для этого нужна тяжелая вода в больших количествах. Единственное предприятие, у которого имеется технология производства дейтерия в больших количествах, — это норвежское предприятие Norsk Hydro в Веморке. Немцы расширили производство, поставили дополнительное оборудование. Норвегия — вообще уникальное место для производства тяжелой воды. Огромное количество чистой воды рек и озер, возможность

строительства гидроэлектростанции в любом месте.

— Известна технология создания ядерного реактора? — спросил Шелестов.

— Наши физики на пути к этой цели, — кивнул Берия, — но, как мне рассказали, пути могут быть разными. Долгими и короткими, обходными и прямыми. Весь вопрос в теории, на какой базировать практические шаги. Различия могут быть. Но нам, чтобы опередить фашистов, нужно знать, каким путем идут они.

— Совершенно верно, — подтвердил Платов. — У Гейзенберга был один талантливый ученик, который, можно сказать, начал превосходить самого учителя. Это Клаус Венге. Гитлеровцы и его пытались склонить к работе в проекте, но Венге отказался. Но он работал в лаборатории Гейзенберга несколько лет, у них выходили совместные статьи по ядерной физике. Венге скрылся, видимо, покинул Германию, хотя непонятно, как ему это удалось сделать. Тем не менее факт остается фактом. Ваша задача как раз и заключается в том, чтобы разыскать Клауса Венге и переправить его в Советский Союз.

— А если он в застенках гестапо? Оттуда вытащить человека трудно. — Сосновский покачал головой.

— Наша агентура подтвердила, — ответил Платов, — Венге намеревался покинуть Германию. Гестапо его очень активно разыскивает. Но он бежал. Есть основания полагать, что сейчас он находится на территории Норвегии. Можно сказать, что именно там мы потеряли его след. Вариантов развития событий несколько. Либо Венге прячется в Норвегии у друзей, либо его переправили в Англию руководители Сопrotивления, либо он перебрался в Швецию.

— Вы начнете поиски с Норвегии, — заявил Берия. — Только учтите, что в оккупированной нацистами Норвегии сейчас действуют две силы. Первая — это правительство, покинувшее страну и находящееся в Англии. Я имею в виду и королевскую семью тоже. Движение Сопrotивления курируется британскими спецслужбами. Но есть там и другая сила. В северных районах страны действуют партизаны, которых готовили мы. Да, из беженцев, из бывших военнопленных после финской зимней кампании. Их готовили наши инструкторы НКВД и забрасывали обратно, на родину. Контакты вы получите, вас встретят и будут вам помогать. На этот счет распоряжение наша агентура получит.

— Скажите, а если Венге не захочет переправляться в СССР? — вдруг спросил Коган.

— Что? — после недолгого, но напряженного молчания спросил Берия. — Не захочет?

— Ну да, — без тени смущения заявил Коган, глядя своими большими открытыми глазами на наркома. Кажется, он даже немного переигрывал с показной наивностью. — Венге не захотел работать на свое правительство, опасаясь, что будет создано страшное оружие, которое унесет миллионы жизней. С какой стати он согласится работать на чужую страну? Оружие — оно и в Африке оружие. Почему он должен согласиться?

Шелестов мысленно выругался. Иногда Бориса просто несет. Чего он полез с этим вопросом, с чего это ему захотелось поиграть с огнем. Для самоутверждения, что ли? Такой незаменимый, такой ценный сотрудник, что ему многое позволено? Такие люди, как Берия, с заслугами редко считаются, если видят в человеке опасность, если человек задевает их самолюбие. Но вопрос, конечно, важный. И своевременный. Венге вполне может отказаться ехать в Советский Союз. А если быть честным перед самим собой, то, скорее всего, он именно так и отреагирует.

— Во-первых, — с угрозой в голосе сказал Берия, и стекла его пенсне недобро блеснули, — Венге отказался от сотрудничества с на-

цистами по убеждениям. Он не отказывался заниматься наукой. СССР — оплот мира, надежда трудящихся всех стран на светлое будущее. И Венге это должен понимать. Он должен понимать, что только Советский Союз и наш народ смогут остановить коричневую чуму и освободить немецкий народ от этой заразы. А если не понимает, то ваша задача объяснить ему это. А также объяснить, что у правительства, которое единственное в мире владеет таким оружием, развязаны руки. Тем более что оно всегда вынашивало и вынашивает сейчас агрессивные планы. А когда в мире будет противовес, то появится баланс. Появится государство, которое всегда сможет на ядерную агрессию ответить ядерным ударом. Это шанс остановить войну, вот что вы должны объяснить ученому.

ГЛАВА 2

После прорыва блокады Ленинграда 18 января 1943 года удалось освободить южный берег Ладожского озера и немного отбросить фашистские войска. Но даже этот пусть и небольшой успех позволил в короткий срок проложить по берегу Ладоги железную дорогу и подготовить автомобильную. И сразу в израненный, измученный голодом, бомбежками и артобстрелами город по новой линии Поляны — Шлиссельбург пошли эшелоны, двинулись колонны грузовиков. За несколько дней удалось наладить снабжение продуктами по карточкам, увеличить нормы.

Группа ехала в Ленинград по новой дороге в разных машинах. Шелестов теснился в кабине полуторки рядом со шуплым человеком с короткими усами щеточкой и в очках с толстыми стеклами. Мужчина ежился, зарываясь лицом в воротник мятого, местами прожжен-

ного пальто. Глядя на одежду этого человека, сразу возникали мысли, что этим пальто прижимались к печке-буржуйке, а то и просто к разожженному на улице огню. Хотя вряд ли. Дров отапливать жилища не хватало, какие уж тут уличные костры. Скорее всего, прожжено это пальто было во время пожаров. Шелестов знал, что самой суровой и страшной была зима 1941—1942 годов.

Поговорить, а тем более познакомиться во время посадки никто толком не успел. Группу рассадили по разным машинам, следовавшим в Ленинград с интервалом примерно в час-два. Все четверо были одеты в армейскую полевую форму и имели при себе соответствующие документы офицеров технических войск.

Шелестов ехал в город первым. Он должен был сообщить об их прибытии в местное управление флотского Смерша. Там их ждали и должны были начать подготовку к высадке в Норвегии. А заодно проводить в квартиру профессора Горохова. По легенде, у Горохова группа должна была официально квартировать во время своей командировки в Ленинграде. На деле же старый профессор, ученый-физик должен был рассказать оперативникам все, что знал о Клаусе Венге. Они много контактировали до войны, были даже дружны и какое-то

время переписывались. Но потом контакты между учеными прекратились в силу многих причин. В Германии пришли к власти нацисты, в Советском Союзе стали косо смотреть на ученых, поддерживающих связь с коллегами, работающими на фашистский режим. Ведь не докажешь же, что, живя в Германии и занимаясь наукой, ты не работаешь на режим.

— Значит, к нам в Ленинград, товарищ командир? — наконец заговорил мужчина с портфелем, покосившись на черные петлицы на шинели Шелестова и погоны с «топориками» технических служб. — Вы как, в командировку или службу здесь проходите?

— У нас это называется: для дальнейшего прохождения службы, — улыбнулся Максим. — А на какой срок и какой будет служба, решает за нас наше командование. А в Ленинграде я бывал только до войны. А вы ленинградец?

— Да, — с какой-то печальной гордостью ответил собеседник. — Всю жизнь прожил здесь, вот и в самые трудные месяцы остался со своим городом. У нас из коллектива никто в эвакуацию не поехал, все остались на рабочих местах. И ведь выдюжили. Теперь-то, после прорыва блокады, полегче немного стало, а первая зима была лютая, я вам скажу. Города

вы не узнаете. Спасали, что могли и как могли. Памятники, фонтаны щитами закрывали, песком засыпали. Сколько зданий разрушено, сколько сгорело. Но самое главное — это люди. Сколько умерло — страшно подумать.

— Вы на производстве работаете, наверное? — с интересом спросил Шелестов.

— Ну, не всем пушки делать и патроны с автоматами, — улыбнулся мужчина и представился, чуть приподняв обычную солдатскую шапку. — Парамонов Илья Демьянович, технолог кондитерской фабрики имени Крупской.

— А, «Мишка на Севере»! — понимающе кивнул Шелестов. — Вы, наверное, на время войны переквалифицировались на пошив военной формы?

— Ничего подобного, — качнул головой мужчина. — Трудно поверить, но мы все это время не прекращали производство конфет, шоколада, ромовых баб, пирожных. Состав немного стал другим, многое пришлось заменить, но вы же сами командир, знаете, что бойцам нужно сладкое. Летчикам, морякам, а еще раненым в госпиталях.

Машина подъезжала к городу. Максим слышал, как то и дело где-то били зенитки, в небе проносились самолеты. Новую дорогу берегли и защищали. Проложенную по льду

Ладожского озера, ее называли Дорогой жизни, потому что это была единственная ниточка, связывающая сражающийся в блокаде город с Большой землей, со всей страной. Новая дорога, проложенная по южному берегу после прорыва блокады, называлась Дорогой надежды. Надежды на то, что страшное больше не повторится, что теперь врагу больше не позволят взять город в смертельное кольцо, что вражеские тиски будут только разжиматься и разжиматься. И фашистская нечисть в конце концов будет отброшена, побежит от священного города.

Платов так и сказал перед отправкой, что увиденное в Ленинграде поможет убедить Венге приехать в Советский Союз и работать здесь. Надо рассказать ему о том, что устроили для советского народа фюрер со своими сворами садистов и насильников. Пусть узнает немецкий ученый об этой стороне фашизма. Пусть знает, что война — это не только когда армия идет на армию. Война — это когда гибнут мирные люди. Женщины, старики, дети. Дети гибнут — вот что страшно! Рушатся дома, горят заводы и пашни. Уничтожаются памятники мировой культуры! И эти смерти, и эти разрушения не оправдать никакой идеологией, никакими догмами. Это самое настоящее пре-

ступление. Преступление против человечества. И за него придется отвечать.

А за окном уже тянулся город. Заснеженные улицы, тропинки, протоптанные пешеходами вдоль домов, редкие машины на улицах, пробирающиеся по пробитым снежным колеям. А еще напряженные и хмурые окна, заклеенные крест-накрест полосками бумаги. И очень много окон, забитых фанерой или заткнутых подушками, каким-то тряпьем, очень много закопченных труб буржоек, торчащих в окнах. Город выживал, как мог, город хотел жить и боролся. Было что-то в закамневших каналах, выстуженных домах и заснеженных улицах сильное, гневное, монолитное, как гранит набережных, как бетон мостовых опор.

Шелестов смотрел на эти улицы, на редких пешеходов, спешивших по своим делам, и почему-то подумал, что никогда бы этот город не удалось сломить и уничтожить. Пик напряжения прошел, началось нарастание обратной реакции, сжималась пружина терпения, копилась сила. «Ничего им не сделать с Ленинградом. И со всей нашей страной ничего не сделать, не справиться им с нашим народом. Не знаю, сколько еще продлится война, но Германия, Гитлер и вся его клика обречены».

Немецкий гарнизон в местечке Кеутокеваре был невелик. Всего рота солдат, три бронетранспортера и несколько грузовиков. Но этот гарнизон намертво держал единственный перевал, по которому партизаны могли вырваться из западни. Прорваться можно было только в лоб по узкой дороге, прямо на пулеметы хорошо оборудованных огневых точек и бронетранспортеров, которые подоспеют в течение пяти минут, как только завяжется бой.

Отряд партизан насчитывал всего тридцать человек. Это был костяк, основная боевая сила в этом районе. После неудачной попытки взрыва в порту Лае немцы начали прочесывать местность. В какой-то момент просто не было иного выхода, как уйти через перевал Кеутокеваре. В отряде только карабины и пистолеты, всего несколько автоматов. Почти треть его — женщины. Молодые сильные норвежки, но все же женщины. Дальше можно было уйти в леса к шведской границе, но снежный обвал спутал все планы. Отряд оказался заперт в узкой горной долине, как в бутылочном горле. Еще несколько часов, еще сутки, и нацисты поймут, куда делись партизаны, и тогда конец.

Седовласый командир Хевард Лунд сдвинул на затылок шерстяную вязаную шапочку и вы-

тер ладонью испарину. Он подозвал к себе двух партизан, брата и сестру.

— Петтер, Мэрит! Вы хорошие лыжники, вы хорошие взрывники — вас готовили русские. Вы молоды и сильны. Я поручаю это дело вам двоим.

— Мы сделаем, — спокойно ответил плечистый флегматичный Петтер Хельсен. — Приказывай, Хевард.

— Посмотрите туда. — Командир протянул руку. — Над выходом из горловины навис скальный козырек. Десять килограммов тротила хватит, чтобы обрушить его вниз с тоннами снега и камней. Вы подниметесь по склону и на лыжах пройдете сверху до козырька. Заложите взрывчатку и дадите нам знак. Мы подготовимся для атаки, и, когда вы взорвете скалу, мы прорвемся из западни.

— Вам не пройти по долине там, где обрушится скала, — покачала головой Мэрит.

— Мы не пойдем по дну долины, девочка, — улыбнулся командир. — Правее по склону есть тропа. Там пологий склон, мы пройдем там. Пока у немцев стоят пулеметы, они нас не пропустят этим путем. Учтите, что вам нужно будет очень быстро спуститься, чтобы догнать нас. Немцы подоспеют и захлопнут мышеловку.

— Может быть, наверху есть проход? — спросил Петтер.

— Нет, там только скалы и снег. Мы с ранеными не сможем подняться туда, куда подниметесь вы вдвоем. У нас путь один — через горловину по южной пологой тропе. Немцам, если они и узнают, какой дорогой мы пошли, нужны будут сутки, чтобы обогнуть завал и попытаться нагнать нас. Но за сутки мы будем очень далеко и затеряемся в лесах.

Подниматься по склону с лыжами за спиной, со взрывчаткой в рюкзаке за плечами было тяжело. Петтер шел первым, казалось, он совсем не уставал от тяжелого подъема. Поднявшись метров на двадцать, он остановливался и начинал вытягивать веревку, на которой в связке с ним шла сестра. Мэрит было легче с помощью Петтера, но все равно дыхание сбилось, мокрая рубашка прилипла к телу под свитером. Волосы выбились из-под вязаной шапочки и прилипли к лицу.

— Совсем немного осталось, — прошептал брат, когда Мэрит в очередной раз поднялась к нему и ухватила его за руки. — Сегодня мы выберемся из этой западни и уйдем к границе. А там командир даст всем неделю отдыха, и мы с тобой отправимся куда?